Кровь Вальконе

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Эвелин Норт

18+

Эвелин Норт
Кровь Вальконе

https://litres.ru/74745369
SelfPub; 2026

Аннотация

Сандра Вальконе выросла в мире, где женщины — разменная монета, а любовь — слабость, за которую платят кровью. Её готовят к браку, который укрепит мир между семьями. Она должна быть покорной. Должна быть красивой. Должна быть товаром.

Но Сандра — не товар.

Кассиан Варга — человек, которого боятся даже те, кто держит в руках чужие жизни. Холодный. Расчётливый. Безжалостный. Он не верит в мир — только в силу. И когда ему предлагают «союз» через брак с дочерью врага, он отказывается. Не из принципа. Из презрения.

Они не должны были встретиться. Она не должна была оказаться на его территории — одна, без охраны, с пистолетом в руке и яростью в глазах. Он не должен был её отпустить.

Но отпустил.

Теперь у него — её шлем. У неё — его имя, которое она поклялась узнать. И между ними — город, который принадлежит одному из них. Или никому.

Она думала, что её фамилия — приговор. Оказалось, это был вызов.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 32

Эвелин Норт
Кровь Вальконе

Глава 1

Глава 1. Цена фамилии

Сандра Вальконе.

— Я не могу, — говорит он.

Первая фраза падает на стол между нашими чашками тяжелым тупым предметом. Не «нам надо поговорить». Никаких прелюдий, фальшивых вздохов, извиняющих улыбок.

Я уже знаю о чем именно он говорит. Видела это по тому, как он вошел в это кафе на Бруклине, как стягивал шарф дрожащими руками, как упорно избегал моего взгляда. Я знала это еще до того, как он опустился на стул.

Но я смотрю на него в упор. Прямо в его испуганные, судорожно бегающие глаза.

— Не можешь — что? — мой голос звучит ровно, как тонкая корочка льда.

Марко сглатывает. На его кадыке выступает резкая, бледная косточка. Он берет бумажную салфетку и начинает ожесточенно крутить ее между ладонями, скручивая в тугой

жгут.

— Это…все, Сандра. Я больше не вывожу. Не хочу однажды утром не проснуться. Не хочу проверять под днищем машины наличие посторонних предметов. Я хочу жить. Просто жить, понимаешь? Ходить на нормальную работу, пить кофе по утрам, а не вздрагивать от каждого резкого звука за спиной.

Он говорит о страхе. О моем отце, о фамилии, которая висит над каждым моим вдохом, как гильотина.

Моя реакция — абсолютный монолит. Я сижу ровно. Спина прямая, как струна, — так, как учил брат, когда я была совсем девчонкой: *«Никогда не показывай, что тебе больно. Особенно — тем, кто делает тебе больно. Слабость — это валюта, которую ты не можешь себе позволить».*

Я смотрю на него и молча жду.

Внутри меня работает другой механизм. Проклятая привычка. Пока он распинается передо мной о своем малодушном желании покоя, мой мозг методично фиксирует детали. Стук его пальцев по столу: три удара в секунду. Адреналин. Количество людей в кафе: четыре человека за дальним столиком, сонный бариста за стойкой протирает стакан, официантка у кассы. Выходы: главная дверь за моей спиной, служебный выход на кухню — налево, темное узкое окно в туалет — в конце зала. «Всегда знай, куда бежать» — звучит голос брата в моей голове.

Я никуда не собираюсь бежать.

Марко замолкает. Салфетка в его руках превращается в жалкий серый комок. Он поднимает на меня взгляд — виноватый и отчаянно ищущий прощения, которого не получит.

— Ты не человек, Сандра, — говорит он тихо, почти нежно. — Ты — предупреждение. Ходячее предупреждение для всех, кто посмеет подойти ближе.

— Уходи, — слова срываются с губ тихо, но весомо. — Сейчас. Пока я не сказала то, о чем мы оба пожалеем.

Он встает резко, скрежеща ножками стула по полу. На столе рядом с его недопитым латте остается бумажник — он достает оттуда несколько крупных купюр и бросает на стол. Разворачивается и уходит, не оглядываясь ни единого раза.

Я сижу одна. Смотрю на его чашку, потом перевожу взгляд на свою — за весь вечер к ней так и не притронулась.

К столику подходит официантка — молодая девчонка с бейджиком «Хлоя», явно слышавшая наш разговор.

— Все в порядке? — спрашивает она, заученно и сочувственно наклоняя голову.

Я поднимаю на нее глаза.

— Да, принесите счет.

Он прав и я это знаю. Всегда это знала. Брат учил меня стрелять, драться, выживать в серых бетонных джунглях. Отец учил улыбаться на официальных приемах, носить шелковые платья и молчать, когда за столом говорят мужчины. Марко научил меня одному: я — всегда буду недостаточна хороша. Потому что все, что во мне есть — это фамилия. А

фамилия Вальконе — это приговор без права на обжалование.

Я расплачиваюсь, оставляя сверху чаевые — пусть подавиться своей жалость, — и выхожу на улицу.

Ночной воздух бьет в лицо сыростью и выхлопными газами. Мой мотоцикл стоит у тротуара — черный, тяжелый. На баке закреплен шлем. Подойдя, беру его в руки. Металлическая застежка холодит пальцы. Я надеваю его, защелкиваю ремешок под подбородком, отрезая себя от внешнего мира стеклом визора и завожу двигатель. Мотор оживает утробным, хищным рыком, отзываясь вибрацией во всем теле.

***

Физика скорости — это единственное, что приносит мне сейчас ментальное облегчение. Ветер свистит, рев мотора заглушает хаос в голове, а вибрация в ручках руля заставляет пальцы цепляться за грипсы с мертвой хваткой. Я чувствую этот мотоцикл всем свои телом. Он — единственный в этом гребаном мире, кто мне подчиняется.

И вот тогда они прорываются.

Слезы обжигают глаза — горячие, едкие, злые. Они приходят только потому, что шлем надет. Никто не видит. Никто не узнает, что железная леди Сандра Вальконе умеет плакать. Внутри шлема влага размазывается по щекам, а горло раздирает крик. Я кричу в пустоту, в рев мотора, в ночной нью-йорский ветер.

«Целься в сердце, Сандра. Если сомневаешься — стреляй

первой».

«Ты выйдешь замуж за того, кого я назову, когда придет время. Твоя матка принадлежит семье, дорогая».

«Ты — предупреждение…».

Из-за пелены слез я перестаю следить за дорогой. Я не замечаю, как меняется пейзаж за визором шлема.

Улицы здесь становятся подозрительно чистыми. Ни мусора у бордюров, ни случайных прохожих. Фасады домов — монументальные, мрачные. На столбах висят современные камеры видеонаблюдения.

Я пролетаю под массивной кованной аркой с гербом — каким-то хищным птичьим профилем, выбитым на металле. Я понятия не имела, чья это территория и чей хищный профиль выбит на кованной арке. Но мозг, воспитанный отцовскими правилась, зудел от тревоги: пересекать эти границы без приглашения — верная смерть.

Мой взгляд прикован к узкой ленте асфальта, уходящей под переднее колесо и вдруг — резкий укол опасности на грани интуиции.

Я бросаю взгляд в левое зеркало.

Черный Mercedes. Глубокая, непроницаемая тонировка. Тяжелый, хищный силует, прижавшийся к моему заднему крылу на недопустимо близком расстоянии. Это не охрана отца, у них другие машины, другие номера. Это чужие.

Адреналин мгновенно вытесняет слезы. Я резко кручу ручку газа, бросая мотоцикл вперед. Стрелка спидометра

скачет вверх: 120…140…160.

Mercedes ускоряется следом за мной. Он тяжелее, массивнее и водитель явно умеет выжимать из этой машины максимум.

— Ладно, — произношу я. — Может, это просто придурки-мажоры. Может, сейчас отстанут, может…

Они прижимают меня к обочине.

Кассиан Варга

Передо мной стоит стакан виски. Жидкость темная, плотная, пахнет дубом и торфом. Я не притрагиваюсь к нему. Мои пальцы лежат на прохладной деревянной поверхности стола — прямо рядом с тяжелым матовым стеклом.

Ресторан «Caruso» падает на нервы фальшивым блеском люстр и приторным запахом трюфельного масла. Нейтральная территория, принадлежащая семье Моретти — посредникам, шакалам, умеющим вовремя вилять хвостом перед любым хозяином. Мой столик стоит у самого панорамного окна. Спина прижата к капитальной стене — так учили с детства: видишь каждый вход, контролируешь каждый шаг. Мои люди сидят за двумя соседними столиками. Они не привлекают внимания, но их руки наготове под пиджаками.

Я не расслабляюсь. На чужой земле расслабляются только покойники.

Напротив меня суетится Лука Моретти. Ему сорок, на

нем безупречный итальянский костюм, купленный на грязные деньги, а на лбу выступает мелкая испарина. Он говорит слишком много. Слова льются рекой — пустые, сладкие, фальшивые. Рядом с ним сидит его дядя — шестьдесят пять лет, старый, пропитанный порохом и кровью жулик. Он молчит. Он прекрасно понимает, что предложение, которое они мне принесли, — это не мир. Это ловушка, искусно замаскированная под жест доброй воли.

— Сандра Вальконе, — вещает Лука, нервно поправляя манжеты. — Дочь Дона. Двадцать один год. Отличное образование, гордая кровь. Она — идеальный мост между нашими семьями. Этот брак укрепит хрупкий мир на побережье. Вы получите порт, Вальконе — гарантии безопасности. Все в выигрыше, Кассиан.

Моя реакция — абсолютное, ледяное молчание. Я смотрю на Луку так, будто перед моим носом по столу ползет мерзкое, грязное насекомое, которому пока рано давить ботинок.

Медленно перевожу взгляд на старого Моретти.

— Это предложение Вальконе? — мой голос звучит тихо, без повышения тона, но в нем звенит металл, от которого Лука мгновенно затыкается. — Или ваше личное творчество?

Моретти криво улыбается, обнажая желтоватые зубы.

— Вальконе. Мы здесь исключительно посредники, Кассиан.

— Значит, старый маразматик Вальконе продает собственную дочь. За порт. За иллюзию мира.

Я делаю короткую паузу, позволяя тишине повиснуть над столом тяжелым грузом.

— Что он скрывает? — бросаю я в лоб.

Лука сглатывает ком в горле, отводит глаза.

В этот момент на середину стола падает глянцевый прямоугольник. Фотография.

Я смотрю на нее. Девушка. Сандра Вальконе. Снимок сделан скрытой камерой на каком-то закрытом официальном приеме. Темное вечернее платье, открытые плечи, в руке бокал с шампанским. Она не улыбается. Ее взгляд направлен прямо в объектив — жесткий, колючий, бросающий вызов. Она смотрит так, будто заранее знает, что ее снимают, и открыто плюет на этот факт.

Я заставляю себя впитывать детали. Не потому, что мне интересно, а по многолетней привычке: всё, что может быть использовано против меня, должно быть занесено в память. Резкие скулы, прямой упрямый нос, темные волосы, спадают по плечам. И то, как ее пальцы сжимают ножку бокала — слишком сильно, до побелевших костяшек. Будто она собирается раздавить стекло в труху.

— Она знает? — спрашиваю я, не отрывая глаз от карточки.

Лука мнется.

— Что... именно?

— Что ее продают, как скот на ярмарке.

Лука молчит. Его молчание — самый красноречивый от-

вет.

Я поднимаюсь из-за стола. Не спеша. Расправляю лацканы пиджака, чувствуя за спиной вес пистолета в кобуре.

— Передайте Вальконе мое слово, — чеканю я каждое слово, глядя прямо в глаза старому дону. — Я не покупаю людей. Особенно тех, кто даже не подозревает о ценнике на собственной шее. Это не мир. Это заложница. А заложницы, господа, портят репутацию и привлекают лишнюю кровь.

Моретти хмурится, на его лбу прорезаются глубокие морщины.

— Это отказ?

— Это предупреждение, — отвечаю я холодно. — Если старик пришлет ко мне кого-то еще с подобным бредом... я отправлю его дочь обратно. По частям. В мешке.

Я разворачиваюсь на каблуках и иду к выходу. Джек следует тенью за моим левым плечом. Сзади раздается прерывистый выдох Луки и тяжелый, старческий вздох Моретти.

***

Тяжелый черный Mercedes бесшумно скользит по ночному асфальту. Джек сидит за рулем — его профиль высечен из гранита, на шее тянется старый белый шрам от ножевого ранения. Я откинулся на кожаное сиденье сзади, прикрыв глаза. В салоне панацеей пахнет холодной кожей и дорогим парфюмом.

— Вы отказались, — нарушает тишину Джек голосом, похожим на скрип гравия. — Вальконе оскорблен. Будут про-

блемы.

— Вальконе умрет, — бросаю я равнодушно, глядя в боковое стекло на проплывающие мимо неоновые вывески. — Рано или поздно. Его клан прогнил изнутри и развалится при первом серьезном шторме. Бумажный брак не спасет их империю.

— А девчонка?

Я молчу несколько долгих секунд.

— Она не моя проблема.

Джек не спрашивает, почему я отклонил сделку. Он знает меня лучше, чем кто-либо. Я не верю в сказки о мире. Мир в нашем бизнесе — это всего лишь короткая передышка перед новой бойней. Я видел слишком много союзов, скрепленных кровью невинных девиц, и все они заканчивались одинаково — могилами на сырых кладбищах.

— Говорят, ее брат погиб несколько лет назад, — роняет Джек между делом, глядя на дорогу через зеркало заднего вида. — Несчастный случай. Вроде как тормоза отказали на серпантине.

Я резко поворачиваю голову к окну. В груди на секунду холоднее обычного.

— Несчастный случай, — повторяю я глухо. — Как у моего брата.

Джек умолкает. Это запретная зона. Темы нашего прошлого не поднимаются в салоне машины.

— Сэр, — продолжает он через минуту, испытывая почву.

— А если Вальконе поступит иначе? Если он пришлет ее саму? В качестве жеста подчинения?

Я усмехаюсь — короткой, сухой усмешкой, лишенной всякого веселья.

— Он не пришлет ее сюда. Он продаст ее кому-то другому. Тому, кто предложит больше и не станет задавать лишних вопросов.

— А если она придет сама?

В салоне повисает звенящая пауза. Я смотрю на тусклый свет уличных фонарей, отражающийся в стекле, и вдруг отчетливо представляю этот гордый, колючий взгляд с фотографии.

— Тогда, — медленно произношу я, чувствуя странный прилив мрачного интереса, — я посмотрю, чего она стоит без фамилии своего папаши.

Джек включает тихое радио — фоновый джаз еле слышно шуршит из динамиков. Я отворачиваюсь к окну. Думаю ли я о ней? Нет. Я думаю о порте, о переделах сфер влияния, о войне, которая дышит нам в спину.

Мир — это ложь. Люди ломаются, семьи идут прахом. Я хоронил брата, я хоронил отца, я закопаю и эту девчонку, если судьба сведет нас в прицеле. Но не сегодня.

Глава 2

Кассиан Варга

Машина сворачивает на трассу, ведущую к периметру нашей главной базы. Ночь густая, непроницаемая, укутывающая город в саван из тумана и копоти.

Вдруг на приборной панели у Джека загорается короткий тревожный сигнал. Маленькая красная точка мигает на мониторе внутренней системы безопасности.

Джек мгновенно подбирается, его пальцы крепче сжимают руль.

— Сэр. На нашей территории чужак, — произносит он беспристрастно. — Мотоцикл. На бешеной скорости. Номер не зарегистрирован в нашей базе. Идет напролом. Одна единица. Женщина в шлеме.

Я открываю глаза.

— Вальконе?

— Вряд ли, — качает головой Джек, сверяясь с планшетом. — Маршрут странный. Она прет прямо через центральные посты так, будто заблудилась в трех соснах. Не тормозит перед камерами.

Я молчу. Женщина на мощном байке, несущаяся по чужому логову без страха и упрека? Это не укладывается в рам-

ки стандартной логики. Полиция сюда соваться боится, не то что одиночки на спортивных байках. Конкуренты действуют иначе — тихо, исподтишка, группами.

— Догоняй, — приказываю я холодным, ровным тоном. — Но не тарань. Не перехватывай жестко. Посмотрим, куда ее несет. Наши как раз зажали ее с хвоста — пусть люди просто присоединяются к преследованию. Поглядим, что она будет делать.

— Сэр, это может быть ловушка, — предупреждает Джек, бросая на меня быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

— Тем лучше, — уголки моих губ едва заметно приподнимаются. — Если это ловушка, мы наконец узнаем, у кого хватило наглости попытаться нас переиграть.

Mercedes плавно набирает скорость, срываясь с места вслед за точкой на мониторе. Я смотрю на мелькающие за окном серые промышленные кварталы. Мысли о ней возвращаются — на три секунды, не больше. Кто ты такая, черт побери?

***

Мы вклиниваемся в хвост преследования в лабиринте узких переулков нашей промзоны. Люди из экипажа передней машины уже ведут ее, а мы просто держим периметр, не давая ни единого шанса вырваться.

Я опускаю тонированное стекло задней двери на пару сантиметров. Внутрь врывается прохладный ночной воздух, смешанный с запахом паленой резины и бензина.

Я вижу ее силуэт впереди.

Тяжелый черный байк рассекает темноту, как лезвие ножа. Девушка за рулем плотно сидит в седле, наглухо застегнутая в кожаную экипировку, а на голове у нее надет черный интегральный шлем. Тонированный визор полностью скрывает лицо. Она не смотрит в зеркала заднего вида. Она мчится так, будто за ней гонится сама смерть, и ей глубоко наплевать на то, чью землю она топчет.

Мы идем следом. Она вытворяет безумные вещи — чертит искры подножкой о бордюр, чудом разминувшись со стеной.

— А девочка хороша, — признает Джек, мастерски удерживая тяжелый седан на скользкой дороге позади остальных наших машин.

— Она не хороша, Джек, — холодно отзываюсь я. — Она безрассудна. А между храбростью и самоубийством тонкая грань.

Она влетает во второй переулок — и попадает в классическую ловушку. Тупик. Глухие кирпичные стены со всех сторон.

Наши машины синхронно блокируют единственный путь к отступлению, наглухо запечатывая выход.

Мотор ее мотоцикла надрывно ревет, наполняя каменный мешок гулким эхом. Она глушит двигатель.

Я распахиваю дверцу и выхожу наружу.

Не спеша. Руки глубоко в карманах пальто. Мои люди бе-

рут ее в кольцо, но я жестом останавливаю их, давая понять, что разберусь сам.

Она спрыгивает с сиденья. Резким, отрывистым движением срывает с головы шлем и швыряет его на грязный асфальт. Волосы разметались по плечам, лицо бледное, но глаза... в этих глазах нет ни грамма страха. Только чистая, концентрированная ярость.

И в этот момент, когда она стоит перед нами с открытым лицом, я наконец узнаю ее.

Память мгновенно вытаскивает утреннюю фотографию со стола в ресторане. Темное платье. Бокал. Гордый профиль.

Та же колючая линия рта. Тот же дерзкий изгиб бровей.

Дочь Вальконе. Та самая девчонка, которую нам сегодня пытались сосватать. Своими руками притащилась на мою территорию. Одна. Без охраны.

Внутри меня натягивается тугая, звенящая струна.

— Джек, — не сводя с нее глаз, тихо бросаю я через плечо.

— Да, сэр?

— Это она.

— Кто, сэр?

— Дочь Вальконе.

В тупике повисает тяжелая, плотная тишина, нарушаемая лишь остывающим щелчком мотора.

Ее рука резко уходит в карман куртки, и в следующий миг в ее пальцах материализуется пистолет.

Раздается оглушительный хлопок. Первый выстрел ухо-

дит в ночное небо — предупреждение.

Я не останавливаюсь. Я иду на нее ровным, размеренным шагом.

Она не дрожит. Она переводит ствол прямо на меня и жмет на спуск во второй раз.

Пуля свистит в опасной близости от моего виска, выбивая искры из кирпичной кладки за моей спиной. Я делаю резкий, неуловимый выпад в сторону, сокращая дистанцию в доли секунды. Вторая пуля уходит в молоко.

Она пытается отскочить, вскинуть пистолет для третьего выстрела, но я уже вплотную. Моя рука молниеносным движением перехватывает ее запястье и с силой выкручивает вверх. Оружие со звоном падает на грязный асфальт.

Начинается ближний бой.

Черт возьми, она умеет драться. Никаких женских истерик — чистая, жесткая улица. Локоть в ребра — раз! Колено в бедро — два! Она бьет быстро, зло, целясь в уязвимые точки.

Я принимаю удары на корпус, чувствуя глухую боль, но не отступаю ни на шаг. Я смотрю ей прямо в глаза — в упор, в эту темноту, полную бешеной энергии. Я изучаю ее телодвижения, фиксирую каждый навык, каждую заученную связку. Ее явно тренировал профессионал.

Одним мощным рывком я перехватываю обе ее руки, сцепляю их в железный замок и с размаху прижимаю ее спиной к металлическому борту нашего автомобиля.

Ее грудь тяжело вздымается от бега и адреналина. Лицо — в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствую запах ее кожи, смешанный со страхом, который она пытается спрятать за маской ненависти.

— Кто ты? — выдыхает она мне в лицо, ее голос дрожит от ярости. — Кто ты, чёрт возьми?!

Я молчу. Смотрю на нее долгим, пристальным взглядом.

Сандра Вальконе.

Его пальцы — стальные тиски. Запястья сведены за спиной и прижаты к металлическому борту так, что суставы ноют от тупой, пронизывающей боли. Кости трещат под этим нажимом, требуя вырваться, забиться, закричать.

Я не дёргаюсь.

Дёргаться — значит расписаться в собственном бессилии, показать, что мне больно. В голове чётко, как высеченный на мраморе текст, всплывает голос старшего брата: *«Боль — это всего лишь информация, Сандра. Не показывай врагу, что получила её. Твои нервы — твоя крепость».*

Я поднимаю голову. Смотрю на него снизу-вверх. Впервые — так близко, что можно пересчитать тёмные ресницы и разглядеть холодный металлический блеск в глубине его серых глаз. На правом виске серебристая полоска седины, а по левой скуле тянется старый, побелевший шрам — след от давнего ножевого ранения или пули. Он не злится. На его

лице нет ни капли гнева, ни презрения. Он смотрит на меня так, будто перед ним сложная математическая задача, которую нужно решить, разобрав по формулам.

Его молчание давит сильнее любого допроса.

— Кто ты? — повторяю я, чувствуя, как в горле застревает раскалённый ком. — Кто ты, чёрт возьми?

Он не отвечает. Секунда тянется за секундой, густая, тягучая, наполненная шёпотом остывающего мотора. Я понимаю: он не скажет. Не потому, что не знает или боится. Ему просто наплевать на мои вопросы. И эта холодная, абсолютная стена безразличия пугает меня сильнее, чем дуло пистолета у лба.

Мои мысли несутся вскачь, цепляясь за обрывки логики. Кто он такой? Почему он не отдал приказ своим людям пристрелить меня на месте? Почему не сломал шею, когда поймал? Люди за его спиной — эти вышколенные амбалы в бронежилетах — ждут любого его кивка. Но он держит меня сам.

В этот момент моё обоняние помимо воли фиксирует детали. Привычка выживать навязывает то, о чём я не просила.

Я чувствую запах его кожи — холодный, дорогой парфюм с нотками горького миндаля и можжевельника. И глубже, под этой парфюмерной шелухой — въевшийся запах оружейной смазки, пороха и металла. Я цепляюсь за этот запах, впечатываю его в память, как велел брат: «*Запоминай врага. Всё. Запах, тембр, ритм дыхания. Когда-нибудь это спасёт*

тебе жизнь».

***

Силой его не одолеть. Он выше, тяжелее, а в его руках сосредоточена такая мощь, против которой мои тренировки в зале — лишь детская разминка. Значит, побеждать придётся иначе. Хитростью.

Я резко меняю тактику. Расслабляюсь.

Буквально за одну секунду все мышцы моего тела превращаются в тряпку. Я перестаю сопротивляться, позволяя голове безвольно свеситься набок. Дыхание сбивается, становясь прерывистым и поверхностным. Я изображаю человека на грани обморока — шок, резкое падение давления, потеря контроля.

Это срабатывает.

На долю секунды — ровно на ту, что нужна, — его хватка слабеет. Он не садист, он не планировал калечить меня до полусмерти, и подсознательно он реагирует на угрозу того, что я сейчас просто осяду мешком на грязный асфальт.

Этого микроскопического ослабления мне хватает.

Я резко, как пружина, распрямляюсь и бью головой — вперёд и вверх, изо всех сил вкладывая в удар вес всего тела.

Твёрдая лобная кость со смачным хрустом врезается ему прямо в переносицу. *«Лоб крепче носа, используй геометрию тела»,* — эхом отзывается старый урок.

Он отшатывается назад. На резком выдохе. На долю секунды его пальцы разжимаются полностью, выпуская мои за-

пястья. Я чувствую на своём лбу горячую липкую влагу — его кровь смешивается с потом.

Но я не бегу. Рано.

Не давая ему опомниться, я вкручиваю в корпус правую руку, вкладывая локоть в солнечное сплетение, и одновременно выбрасываю колено вперёд, метя в пах или бедро. Он наполовину блокирует удар предплечьем, но я всё равно попадаю — тяжело, акцентированно.

Он не падает. Мужчина такого уровня не валится от одного удара. Но он отступает ещё на шаг, морщась от боли и зажимая разбитый нос пальцами.

Этого пространства и этого времени мне достаточно.

***

На влажном асфальте у его ног валяется мой пистолет — тот самый Sig Sauer, который выбили из рук во время захвата.

Я не пытаюсь бежать к мотоциклу. Я делаю то, чего они меньше всего ждут — падаю вниз, ныряя под углом, стелясь по самой земле, как учил брат. Низко, быстро, не оставляя времени на раздумья.

Краем глаза я вижу, как охрана за его спиной начинает дёргаться. Руки людей в пальто стремительно уходят под полы пиджаков, пальцы нашаривают рукояти.

Слишком медленно. Они думают, что я буду спасаться бегством.

Я вытягиваю руку, пальцы судорожно шарят по холодному

асфальту и нащупывают рифлёную рукоять пистолета. Хватаю его на лету, перекатываясь через плечо, и вскидываю стволом вперёд.

Я не целюсь в него. Убить его — значит подписать смертный приговор себе и всей моей семье, развязать полномасштабную войну кланов. Я целюсь в капот ближайшего бронированного Mercedes.

Бах! Бах! Бах!

Три выстрела подряд разрывают тишину тупика оглушительным эхом. Пули влетают в переднее крыло и радиаторную решётку, из пробитого бачка с шипением брызжет антифриз.

Стекло передней двери покрывается паутиной трещин. Охрана падает на колено, инстинктивно прикрывая головы руками, кто-то чертыхается, раздаётся испуганный крик водителя. Поднялся хаос.

«Не стреляй на убийство, если можешь стрелять на испуг, — звучал в голове голос брата. *— Мёртвый враг создаёт проблемы. Испуганный — даёт тебе фору».*

***

Я вскакиваю на ноги. Всю правую сторону тела пронзает тупая боль — рёбра после ударов ноют, запястья горят огнём, а по лбу из рассечённой брови течёт тёплая кровь, заливая левый глаз. Адреналин начинает отступать, сменяясь ломотой в мышцах.

Но я бегу.

Мой тяжёлый чёрный байк ждёт меня, заваленный на бок. Рядом с ним на мазутном асфальте валяется мой шлем — чёрный, матовый, с треснутым визором.

На секунду я останавливаюсь над ним. Рука инстинктивно тянется вниз, чтобы поднять его. Защита. Безопасность. Правило.

И тут во мне вскипает какая-то дикая, отчаянная гордость.

Нет.

Если я подниму его сейчас, я покажу, что напугана. Что бегу от него, поджав хвост и цепляясь за вещи. Пусть подавится. Пусть этот шлем останется у него как трофей, как напоминание о девчонке, которая прорвалась через его кордоны и разбила ему нос.

Я резко выпрямляюсь, оставляя шлем лежать в грязи.

Прыгаю в седло. Сапог бьёт по кикстартеру — раз, второй! Мотор захлёбывается, кашляет, а затем оживает бешеным, раскатистым рёвом, сотрясающим стены ангаров.

Я бросаю сцепление. Байк с буксом срывается с места, вылетая из тупика в узкий проход между машинами.

Я не оборачиваюсь. Не смотрю в зеркала заднего вида — потому что зеркал больше нет, одно отлетело раньше, второе разбилось. Только вперёд. Только на выход из этого проклятого района.

Ветер бьёт в лицо с силой удара хлыста. Без шлема, без защиты. Волосы растрёпаны, бьют по щекам, режут глаза сле-

зами. Но это слёзы не от боли или слабости — это скорость, это чистый, безумный воздух свободы, ворвавшийся в лёгкие.

***

Я несусь по ночному городу, закладывая крутые виражи на пустых проспектах. Сердце стучит где-то в горле, отбивая бешеный ритм.

Физика боли дает о себе знать с каждым километром. Ветер сушит разбитый лоб, сдирает запекающуюся кровь. Без шлема ехать опасно — одно резкое движение, камешек из-под колёс, и я труп. Но мне наплевать. Боль помогает держать разум. Она заглушает панику.

На светофоре, прижавшись к обочине в тени уличного фонаря, я наконец позволяю себе выдохнуть и разложить всё по полочкам. Эмоции в сторону. Только факты.

Он знал, кто я. Не сразу, возможно, но когда я сняла шлем в тупике — он узнал моё лицо. Или видел моё досье раньше.

Он не хотел убивать. У него было шесть вооружённых людей, преимущество на его территории, тупик и полный контроль ситуации. Он мог пристрелить меня за долю секунды.

Он — не мелкая сошка. Люди подчиняются ему беспрекословно. В его взгляде нет суеты людей отца или мелких бандитов. Это взгляд хозяина города.

Шлем остался у него. Я отдала его сознательно. И это значит, что мы не закончили. Между нами повис негласный долг.

Я не знаю, кто он такой, — крутится в голове чеканная мысль. — Но он точно знает, кто я. И это даёт ему огромную фору. Преимущество, которое я обязана ликвидировать. Я должна узнать о нём всё. Имя, фамилию, связи, слабые места.

Внезапно память подкидывает картинку: массивная кованая арка на въезде в район, под которой я пролетела в самом начале погони. Металлический герб. Хищный птичий профиль.

Я видела этот символ раньше. На закрытых документах в отцовском кабинете. На папках с пометкой «Конкуренты. Неприкасаемые».

Варги.

Это была территория клана Варга. А человек с сединой на висках и шрамом на челюсти... чёрт возьми. Если это то, о чем я думаю, то я только что собственноручно влезла в пасть к самому опасному хищнику этого побережья и разбила ему нос.

Губы сами собой кривятся в упрямой, злой улыбке.

— Ну и ладно, — шепчу я в рев мотора. — Я вернусь за своим шлемом. Даже если для этого придётся перевернуть вверх дном весь его чёртов район.

***

Глубокая ночь, когда я завожу мотоцикл во двор нашего фамильного особняка в Куинсе. Стараюсь двигаться бесшумно, глушу мотор за воротами и вкатываю тяжелый байк

вручную.

Через чёрный ход проскальзываю внутрь дома. Привычка, вбитая братом: *«Всегда знай запасные пути отхода и входа».*

В большом кабинете отца на втором этаже горит мягкий свет настольной лампы. Дверь приоткрыта узкой полоской. Он не спит. Он ждёт. Всегда ждёт — это его излюбленный инструмент психологического контроля над домашними.

Я прохожу мимо, чувствуя, как кровь на лбу засохла грязной коркой, а под кожей ноют все до единого синяки. Хочу проскользнуть наверх в свою комнату, но тихий, вкрадчивый голос отца останавливает меня на лестнице:

— Сандра.

Я замираю. Медленно поворачиваюсь и толкаю дверь кабинета.

Отец сидит за массивным дубовым столом в идеальном тёмном костюме, несмотря на третий час ночи. В руке — стакан с янтарным виски. Его седые волосы зачесаны назад, а глаза за стеклами очков смотрят холодно, оценивающе, насквозь пронизывая моё исцарапанное лицо.

— Ты поздно, дорогая, — произносит он ровным, лишённым эмоций тоном.

— Я взрослая, отец. Могу позволить себе прогуляться.

Он медленно ставит стакан на стол. Звук хрусталя о дерево звучит слишком громко в тишине комнаты.

— Ты — Вальконе, — чеканит он каждое слово. — И это значит гораздо больше, чем просто «взрослая». Где ты была?

И откуда эта ссадина на лбу?

Пауза повисает в воздухе тяжёлым свинцовым грузом. Внутри меня всё сжимается. Сказать ему правду? Рассказать, что я по глупости сунулась на чужую территорию, попала в погоню и дралась с самим главой враждебного клана? Отец сожрёт меня живьём, запрёт в комнате и выдаст замуж за первого встречного ублюдка ради укрепления позиций.

Ложь даётся легко. Нас учили этому с пелёнок.

— Упала с мотоцикла на повороте, — смотрю ему прямо в глаза, не моргая. — Занесло на гравии. Ничего страшного.

Отец долго смотрит на меня. Внимательно, изучая каждую черточку моего лица, каждую микроэмоцию. Он знает, что я вру. Опытный криминальный патриарх прекрасно видит фальшь. Но он не давит. Это его любимая игра — давать верёвку, чтобы мы сами завязали узел крепче.

— Аккуратнее на дорогах, Сандра, — тихо говорит он, отводя взгляд. — Город сейчас опасен. Очень опасен для тех, кто забывает, кому принадлежат улицы. Иди к себе.

Я разворачиваюсь и быстро поднимаюсь по лестнице в свою комнату.

Захлопываю дверь на защёлку. Прислоняюсь спиной к холодному дереву и медленно, безвольно сползаю вниз на пушистый ковёр.

И только здесь, в темноте собственной спальни, запершись от всего мира, боль прорывает все плотины. Рёбра горят огнем, запястья пульсируют, лоб ноет от удара.

Он отпустил меня.

Я закрываю глаза, чувствуя под пальцами фантомный запах его парфюма — можжевельник и порох.

— Ты пожалеешь об этом, — шепчу я в пустую темноту комнаты. — Клянусь, ты ещё вспомнишь этот день.

Глава 3

Сандра Вальконе.

Чёрный бронированный лимузин плавно затормозил у главного входа в особняк семьи Моретти. Водитель в строгом костюме молча вышел из салона, открыл тяжелую заднюю дверь и склонил голову в почтительном жесте.

Я шагнула на влажный от вечерней росы асфальт. Никакой кожи, грубых ботинок и запёкшейся крови на лбу. Сегодня на мне было длинное шёлковое платье глубокого сапфирового цвета, плотно облегающее фигуру, а на запястьях — широкий золотой браслет. Идеальный щит. Под тяжёлым металлом браслета всё ещё горели синяки от его стальной хватки, но внешний фасад был безупречен.

Отец вышел с противоположной стороны машины. Он поправил запонки на манжетах, бросил на меня быстрый оценивающий взгляд и протянул руку, предлагая опереться о его локоть.

— Улыбайся, Сандра, — процедил он сквозь зубы, когда мы направились по каменной дорожке к сверкающим огнями дверям. — Меньше говори. Больше слушай. Не опозорь фамилию.

Я послушно кивнула. Привычка подчиняться на публи-

ке вбита в меня с пелёнок так же глубоко, как умение держать оружие. Но внутри меня в этот момент работал совсем другой механизм. Всю последнюю неделю я потратила не на светские беседы и не на жалость к себе. Я копала. Поднимала старые связи, платила хакерам за закрытые архивы, изучала досье. Теперь я знала о человеке с сединой на висках гораздо больше, чем следовало. Его звали Кассиан Варга. Глава клана, чьё имя в отцовских папках было помечено красным грифом «Неприкасаемые».

Мы вошли в просторный бальный зал, утопающий в кристаллах люстр и приглушённом гуле голосов местной элиты.

Я делала всё то, что делала всегда. Автоматически сканировала выходы — парадная дверь сзади, служебный проход слева за аркой, французские окна, ведущие в сад, справа. Считала людей. Отмечала позиции охраны семьи Моретти. Мой мозг работал как компьютер, вычисляя траектории потенциальной угрозы. Но цель моего прихода сегодня была иной. Я явилась сюда не прятаться. Я пришла посмотреть на него в чистом свете софитов, без адреналина, ревущих моторов и грязи под ногами. Понять, каков он здесь, на своей территории.

***

Я нашла Джулию Моретти у дальней мраморной колонны, где официанты держали подносы с шампанским. Джулия — моя давняя подруга ещё со времен закрытого колледжа, двоюродная сестра лукавого Луки, но при этом бесконечно

далёкая от всех этих грязных семейных разборок. Для клана она была просто «удобной младшей девчонкой», которой позволяли жить в своё удовольствие, пока она не понадобится для очередного политического брака.

— Сандра! Боже мой, ты выглядишь потрясающе, — Джулия всплеснула руками, звякнув подвесками на тонких запястьях. На ней было лёгкое воздушное платье цвета шампанского, а в глазах читалась привычная смесь скуки и бунта. — А я уже думала, ты заперлась в своём особняке и решила вышивать крестиком. Отец опять таскает тебя по этим унылым тусовкам?

— Обязательная программа, — выдавила я лёгкую улыбку, принимая бокал с белым вином из рук проходящего мимо официанта. — Сама знаешь правила.

— О, не напоминай мне про правила, — закатила глаза Джулия, делая большой глоток из своего бокала. — Представляешь, вчера отец познакомил меня с очередным «перспективным наследником». Какой-то хмырь из Бостона с лицом селедки и манией величия. И он на полном серьёзе заявил мне за ужином: «Джулия, вы должны понимать, брак — это партнёрство». Партнёрство! Мне двадцать два года, я хочу партнёрство с коктейлями на пляже в Малибу, а не с его престарелой мамочкой по воскресеньям!

Я чуть улыбнулась, чувствуя, как напряжение в плечах немного отпускает.

— Звучит ужасно, Джулс.

— Не то слово. А ты? — она хитро прищурилась, слегка толкнув меня локтем в бок. — Твой отец всё ещё ищет тебе идеальный «мост»? Кажется, на прошлой неделе ходили слухи про какого-то крупного игрока с побережья...

— Он всегда что-то ищет, — коротко бросила я, отводя взгляд.

Я не сказала Джулии ни слова о ночном инциденте в промзоне. Не потому, что не доверяла ей — просто не хотела видеть в её глазах страх или безумное сумасшествие. Если бы она узнала, что я гоняла по чужой территории на байке и получила по лицу от самого Кассиана Варги, она бы вызвала скорую.

***

Разговор постепенно затихал, переходя на более отвлеченные темы, но Джулия вдруг помрачнела, глядя на кружащихся в центре зала пары. В её взгляде мелькнуло что-то настоящее, невыносимо тоскливое.

— Знаешь, Сандра... иногда мне хочется просто исчезнуть, — тихо произнесла она, крутя ножку бокала в пальцах. — Сесть в первый попавшийся самолёт, улететь куда-нибудь в Лиссабон. Открыть маленькую кофейню у самого океана. И чтобы никто — слышишь, никто — не спрашивал меня, где я была, с кем ужинаю и почему у меня в раковине гора немытой посуды. Быть просто человеком, а не фамилией.

Я сделала медленный глоток прохладного вина. Жидкость обожгла горло, но внутри осталась лишь холодная горечь.

— Ты бы заскучала там через месяц, Джулс, — ответила я ровным голосом.

— Зато скучала бы свободно! — возразила она. — Без этой удушающей заботы, без телохранителей у дверей туалета, без постоянного ощущения, что за твоей спиной кто-то считает твои шаги.

Я молча посмотрела на свой бокал. В прозрачной золотистой жидкости отражались огни хрустальной люстры. Моя «свобода» выглядела иначе — это ревущий мотор тяжелого мотоцикла под задницей, ночной ветер без шлема и адреналин, затапливающий вены перед дулом пистолета. Я не умела мечтать о кофейне. Я умела только выживать.

В памяти вспыхнул тот тупик. Его серые глаза, холодный запах миндаля и пороха, тяжесть его пальцев на моих запястьях.

Я тряхнула головой, прогоняя этот образ. Никому из них нельзя позволять задерживаться в моих мыслях.

Джулия шумно вздохнула, стряхивая с себя меланхолию, и на её лице вновь заиграла лукавая усмешка. Она обожала подобные штуки.

— Ладно, давай сыграем в одну игру, — заговорщицки предложила она, подталкивая меня плечом. — Представь, что мы свободные девушки. Никому ничего не должны. Ни отцу, ни клану, ни этому лицемерному городу.

— Представили, — скептически изогнула бровь я. — Дальше что?

— Ты бы вышла замуж за первого человека, который войдёт сейчас в эту дверь?

Я чуть не поперхнулась вином.

— Джулия, ты с ума сошла?

— Что? Это просто игра! — засмеялась она, хотя глаза её блестели от вызова. — Просто скажи «да» или «нет». Никакой философии.

— Это глупо.

— Это честно, Сандра. Вот увидишь. Первый, кто переступит порог этого зала — и всё, ты свободна от обязательств перед семьей, потому что твой выбор сделан судьбой. Ну же?

Я тихо рассмеялась — впервые за долгое время искренне, без внутреннего надрыва. Но под этим смехом скрывалось тугое, звенящее напряжение. Мой внутренний голос почему-то подсказывал, что дверь сегодня откроется не просто так. Я знала, кого ждали в этом зале. Знала, чьё имя заставляло отца ежеминутно поправлять воротник рубашки.

Я медленно подняла бокал к губам, делая паузу, наслаждаясь моментом.

— Ты тянешь, — тотчас уловила Джулия, прищурившись. — Значит, ты уже думаешь о ком-то конкретном.

— Я думаю о том, что ты сумасшедшая конченая романтичка, — парировала я, глядя на неё поверх ободка бокала.

Я не успела договорить.

Тяжёлые створки главных дверей в дальнем конце бального зала бесшумно распахнулись.

Привычка реагировать на движение заставила меня мгновенно перевести взгляд туда. Воздух в огромном зале будто разом стал плотнее, сменив температуру на пару градусов. Голоса вокруг нас начали затихать сами собой, словно невидимая волна прокатилась по толпе приглашённых.

В проёме показалась фигура.

Дерьмо.

Он вошёл не один — за его левым плечом неотступно следовал Джек со знакомым шрамом на шее, а следом ступали ещё двое охранников. На Кассиане был безупречный тёмный костюм-тройка по фигуре, белая рубашка без галстука и расстёгнутая верхняя пуговица. Никакого пальто. Он держался так, будто весь этот зал вместе с хозяевами принадлежал ему по праву рождения.

Он не спешил. Его взгляд, холодный, пронзительный и цепкий, привычно сканировал пространство. Точно так же, как это делала я минуту назад.

И в следующее мгновение его серые глаза нашли меня.

Он не отвёл взгляд. Не сделал вид, что не заметил. Он смотрел на меня через весь зал, и это зрительное касание оказалось острее любого лезвия. Прошла доля секунды — дольше, чем требовалось обычной вежливости, — прежде чем он слегка приподнял подбородок, признавая моё присутствие.

Рядом со мной Джулия внезапно замерла, втянув воздух. Её пальцы впились в моё предплечье так сильно, что ногти

сквозь шёлк впились в кожу.

— О... Господи, — прошептала она пересохшими губами, боясь даже шевельнуться. — Сандра... это же... это Варга? Ты знаешь, кто это?

Я не ответила. Я не могла оторвать глаз от его лица. Медленно, не мигая, я поставила свой бокал на поднос проходящего мимо официанта.

В голове вспыхнули слова Джулии: «Первый, кто войдёт в эту дверь...»

Что ж. Я сама напросилась на эту игру.

Отец, заметивший всеобщее затишье, резко повернулся от группы старейшин. Его лицо побледнело, на лбу проступили испарина и морщины гнева. Он увидел, куда я смотрю, и увидел, кто смотрит на меня.

— Я сделала шаг навстречу судьбе, — шепнула я сама себе, чувствуя, как в груди затягивается тугая пружина. — И соврала бы, если бы сказала, что не думала об этом.

Кассиан Варга

Я перешагнул порог бального зала семьи Моретти с привычной, въевшейся на уровне рефлексов собранностью. Никакой усталости, никаких лишних мыслей. Только чистая механика оценки пространства.

Я вошёл первым — шаг в шаг, плечом к плечу с Джеком, за чьим левым плечом неотступно застыли двое парней из

охраны. Классическое построение, проверенное годами перестрелок и засад. Мой взгляд скользнул по выходам: главный арочный проход сзади, служебная дверь для персонала в северном крыле, высокие французские окна, распахнутые в ночной сад. Я посчитал людей Моретти — шестеро в зале, трое у парадного входа, двое патрулируют периметр возле сада. Нейтральная территория. Здесь не стреляют открыто. Но проверяют каждую тень, каждый взгляд, каждый вздох.

Я знал, зачем пришёл сюда. Не ради фальшивых улыбок местных царьков и не для того, чтобы слушать пустые излияния Луки. Моретти собирались продавить сорванную неделю назад сделку, но теперь — напрямую, при свидетелях и старейшинах. И где-то среди этого светского маскарада крутился старый Вальконе. Я хотел посмотреть ему в глаза. Понять, на каком издыхании держится его клан и какую цену он готов заплатить за иллюзию безопасности.

Я шёл по полированному мрамору пола, механически кивая в ответ на чужие поклоны, и упорно внушал себе одну простую вещь: я думаю только о делах. Я не думаю о девчонке.

Это была ложь. И мой собственный мозг зафиксировал это с раздражающей точностью.

Мой взгляд помимо воли отсёк пространство зала, выхватил из толпы знакомый силуэт у дальней колонны — и споткнулся. Я нашёл её раньше, чем успел осознать, что вообще её искал.

***

Она стояла у мраморной колонны в компании болтливой девчонки из семьи Моретти. Сапфирово-синее шёлковое платье струилось по фигуре, плечи были открыты, в руке позвякивал бокал с белым вином. Никакой кожаной куртки, никаких грубых ботинок, ни следа той ночной фурии с пистолетом в руке. Но осанка выдавала её с головой — спина прямая, как натянутая тетива, а в глазах полыхал тот же холодный, колючий огонь.

Я прищурился, подмечая детали. На правом запястье под широким золотым браслетом угадывались тёмные пятна. Синяки. От моих пальцев.

Память мгновенно подкинула картинку из того тупика: то, как она извивалась в моём захвате, как яростно цеплялась за воздух, и глухой стук её лба о мою переносицу. Нос до сих пор ныл при резкой смене погоды.

Внутри меня шевельнулось холодное, опасное одобрение. Она не сказала отцу. Если бы старик Вальконе знал, что его дочь ночью в одиночку штурмовала мою базу и получила отпор от главы клана Варга, этот зал уже утонул бы в крови. Но она молчала. Значит, играла в свою собственную игру. А чужие скрытые игры — это всегда риск, который мне предстояло просчитать.

Мой взгляд задержался на её лице дольше, чем позволяли приличия. Я это осознал, вовремя отсёк импульс и перевёл глаза дальше, на галерею, стараясь сделать движение наро-

чито ленивым. Но я знал: она заметила. Убедившись в этом периферийным зрением, я лишь чуть плотнее сжал зубы.

Джек не поворачивал головы, но его голос прозвучал тихо и беспристрастно у самого моего уха:

— Вальконе здесь, сэр. Рядом с ним его дочь.

— Вижу, Джек.

Больше мы не произнесли ни слова. Джек знал меня слишком хорошо.

***

Старик Вальконе перехватил меня на середине зала, когда я направлялся к VIP-зоне. Рядом с ним стояла Сандра. Ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. Воздух между нами мгновенно наэлектризовался, превращаясь в чистый кислород перед взрывом.

— Кассиан, — вкрадчивый голос Вальконе походил на шуршание сухих листьев по асфальту. Он попытался улыбнуться, но глаза оставались мёртвыми. — Рад видеть вас в добром здравии. Город нынче опасен, но здесь...

— Город опасен только для тех, кто не умеет контролировать собственные границы, Вальконе, — перебил я его, не сводя тяжёлого, в упор направленного взгляда с Сандры.

Она не отводила глаз. В её зрачках читалось безумное, на грани фола дерзкое напряжение. Она бросала мне вызов прямо перед лицом собственного отца, играя с огнём так мастерски, что у меня внутри неприятно заскрежетало.

Старик скривил губы, но попытался сгладить углы:

— Моя дочь... она умная девушка. Гордая. Возможно, в прошлый раз мы не смогли договориться о деталях союза, но...

— Союзы не строятся на слепом принуждении, Вальконе, — холодно бросил я. — Я не покупаю людей.

— Иногда товар превосходит ожидания, если знать, как с ним обращаться, — неожиданно звонко и резко вставила Сандра. Её голос прорезал воздух зала, как лезвие ножа. Она подалась корпусом вперёд, вмешиваясь в разговор мужчин так, будто имела на это полное право.

Лицо старого Вальконе мгновенно пошло багровыми пятнами.

— Замолчи, Сандра! — рявкнул он на неё с откровенной свирепой злобой, в которой прорвался весь накопившийся страх и деспотизм. — Тебя не учили, когда взрослые разговаривают? Живо отойди!

— Отец, я просто говорю, что... — начала она, сжав пальцы на ножке бокала до побелевших костяшек.

— Я сказал — заткнись! — старик грубо, с силой дёргая её за запястье (ровно под тем самым золотым браслетом, под которым прятались мои синяки), отбросил её назад за свою спину. — Твоё дело — молчать и улыбаться, когда решаются судьбы семьи! Еще одно слово, и ты отправишься в поместье под замок до конца года, поняла?!

Сандра пошатнулась, едва удержав равновесие, но её лицо осталось абсолютно ледяным. Ни единой слезинки, ни

единого звука слабости. Только в глазах полыхнула такая ярость, что от неё на секунду могло бы зажечься пламя. Она смотрела на отца взглядом змеи, готовой нанести смертельный удар, но послушно замолчала, опуская глаза.

Я молча наблюдал за этой домашней расправой. Внутри меня поднималась тяжёлая, холодная волна чего-то, похожего на бешенство. Он смеет ломать её об колено прямо здесь?

Вальконе попытался натянуть на лицо фальшивую улыбку, обращаясь ко мне:

— Простите, Кассиан. Молодежь... распустилась. Никакого уважения к традициям. Так вот, возвращаясь к нашему разговору о территориях и порте...

Я медленно перевёл взгляд с её опущенных ресниц обратно на её отца. В этот момент в моей голове что-то щёлкнуло. Предложение о браке, которое неделю назад казалось мне грязной сделкой и оскорблением, вдруг приобрело совершенно иной, извращенный смысл.

— Вальконе, — прервал я его тихим, лишённым всяких эмоций голосом.

Старик замер, затаив дыхание.

— Вы говорили о союзе, — продолжил я, намеренно делая паузу после каждого слова. — И о том, что ваша дочь могла бы стать... мостом.

Лицо Вальконе озарилось жадной, торжествующей надеждой.

— Да! Именно так, Кассиан! Это укрепит...

— Я не дал вам ответа в прошлый раз, — перебил я его, чувствуя, как на губах сама собой появляется опасная, хищная тень усмешки. — Но теперь... я подумаю над вашим предложением.

Старик опешил. Он явно ждал очередного оскорбления или жесткого отказа, но мои слова застали его врасплох. Его глаза забегали, пытаясь просчитать мою выгоду.

— Вот как... — пробормотал он растерянно. — Это... это мудрое решение, Кассиан. Мы обсудим детали на следующей неделе.

Я не ответил. Мой взгляд на долю секунды скользнул мимо плеча старика — туда, где стояла Сандра. Услышав мои слова, она резко вскинула голову. В её расширенных зрачках читался шок, смешанный с чистым, первобытным ужасом и осознанием ловушки. Она поняла, что только что её дерзкая реплика стоила ей свободы.

Я смотрел на неё, чувствуя, как внутри затягивается тугая, звенящая стальная пружина. Ты хотела играть в опасные игры на моей территории? Добро пожаловать за мой стол, девочка.

Отойдя от Вальконе под предлогом необходимости осмотреть зал, я встал у высокой колонны, сливаясь с тенью. Джек стоял чуть позади. Мой взгляд вновь вернулся к ним.

Старик продолжал отчитывать её шёпотом, вдалбливая в её сознание правила подчинения, но Сандра больше не слушала. Она смотрела в пустоту, а её пальцы нервно сжимали

край шёлкового подола.

— Вы только что дали ему надежду на сделку, сэр? — тихо констатировал Джек, глядя на меня с долей скрытого удивления. — После всего, что вы говорили о заложниках?

— Я сказал, что «подумаю», Джек, — поправил я его холодным тоном. — А это не значит, что я соглашусь на его условия.

— Но девчонка... она слышала. Вы видели, как старик трепал её за руку?

— Видел.

— И что изменилось? Почему вы вдруг оставили им лазейку?

Я отпил из бокала с минеральной водой, не сводя глаз с её застывшей фигуры.

— Потому что неделю назад она на бешеной скорости влетела на мою территорию, стреляла в меня и сломала мне нос, Джек, — процедил я сквозь зубы. — А сегодня её собственный отец швыряет её по углам, как сломанную куклу, и затыкает рот. Она ненавидит его мир сильнее, чем ненавидит меня. Если старик решит продать её кому-то другому, она просто разнесет их дом изнутри.

Джек тяжело вздохнул, покачав головой:

— Вы играете с гремучей змеей, сэр. Она вас укусит.

— Пусть попробует, — уголки моих губ едва заметно дрогнули.

К нам подтягивались остальные участники этого цирка,

но я уже не слушал никого. Мой разум работал на пределе, просчитывая ходы наперед.

Я бросил последний взгляд на террасу, куда Вальконе-старший грубо увлёк за собой дочь, уводя её от посторонних глаз подальше.

— Джек.

— Да, сэр?

— Нам пора. Встреча с людьми на восточном складе назначена через сорок минут. Уходим.

Я развернулся на каблуках, чувствуя, как прохладный вечерний воздух остужает кожу. Я шёл к выходу из особняка, оставляя позади этот светский балаган, чужие улыбки и застрявшую в ловушке девчонку с выжженным внутри бунтом.